

Университет и РЕГИОН

№ 1 (434)

Понедельник, 11 января 2010

Сегодня у нас необычный номер, юбилейный. Он посвящен дню рождения двух уважаемых в университете и далеко за его пределами профессоров - доктора физико-математических наук **Эдуарда Абрамовича Аринштейна** и доктора педагогических наук, академика РАО **Владимира Ильича Загвязинского**. Их «угораздило» родиться в один год - 1930-й, в один месяц - январь, но с разницей в один день - Эдуард Абрамович появился на свет 3 января, а Владимир Ильич - 4-го. Наши аплодисменты юбилярам!

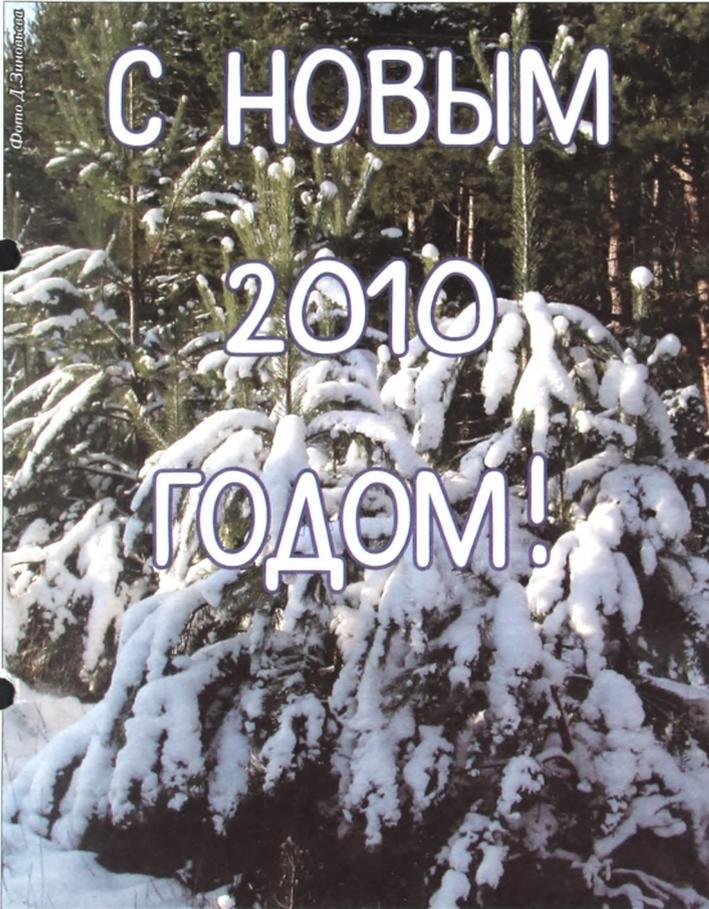


Фото А. Зинцова

С НОВЫМ 2010 ГОДОМ!

Учитель, вырасти учеников, чтобы было у кого учиться

Студенты института психологии, педагогики, социального управления проявили изрядную долю любопытства и сочинили одному из самых титулованных своих преподавателей, доктору педагогических наук, профессору, академику РАО **В.И. ЗАГВЯЗИНСКОМУ** много вопросов, приуроченных к предстоящему юбилею учёного. Академик не стал устраивать пресс-конференцию, а скромно, сидя в своём кабинете, написал ответы на каждый вопрос. Мы несколько сократили количество вопросов и ответов, потому что они повторялись.

- Существовали ли в Вашей жизни знаковые события, которые помогли Вам понять, что вы выбрали свой жизненный путь правильно?

- Конечно, да. Например, когда мне аплодировал весь зал (5000 человек) Кремлёвского дворца съездов, за то, что я с трибуны Всесоюзного съезда работников образования (1988 год) сказал о том, кто более всего виноват в бедах нашего образования: отдел школ и учебных заведений ЦК КПСС (а партия была ещё у руля!). Самое счастливое время - молодость, особенно тот

день (13 июля), когда в назначенный час в Омске пришла на свидание та замечательная девушка, которая согласилась выйти за меня замуж.

- Какие ценности вы считаете наиболее важными в жизни?

(Инна Валюченко, 4-й курс)
- Ценности служения людям, заботы и тревоги о них - близких и не очень близких, которым именно ты можешь помочь.

(Окончание на стр. 2)

Теорбайки, или Чему меня учил научный руководитель

РОДИОН ГАНОПОЛЬСКИЙ

Коллеги Эйнштейна

Первый раз я увидел Эдуарда Абрамовича (Э.А.) в десятом классе на областной олимпиаде. Человек, который его представлял, то ли неправильно произнёс фамилию Аринштейн, то ли все в зале её неправильно услышали, но всем показалось, что сказали «Сейчас перед вами выступит Эйнштейн». Так что выступление Эдуарда Абрамовича началось с громкого смеха в зале. Он первым назвал нас «коллегами» и обратился как к коллегам, приглашая нас после школы в университет.

А здесь у вас синус или гипотенуза?

В следующий раз Эдуарда Абрамовича я увидел, когда заведующие кафедр физического факультета приходили к нам, первокурсникам, и приглашали к себе на кафедру. Для затравки он предложил решить две простые на первый взгляд задачи. Одна из них звучала примерно так: из крана за время t_1 заполняется бассейн, а за время t_2 полный бассейн опустошается через трубу. За какое время опустошится полный бассейн через трубу, если кран будет открыт? В школе, классе в третьем, все такую решали. А вот если вы сможете решить эту задачу с учетом силы тяжести, то есть, вспомнить, что вода выливается не с постоянной скоростью, то вам прямая дорога в теорфизику! Когда я через пару недель принес Эдуарду Абрамовичу листочек со своим решением задачи, то услышал: «Оформляйте свои решения так, чтобы другие смогли их прочесть». Тот же совет я слышал и при работе над дипломом, и при работе над диссертацией. Оформление решений в исполнении Эдуарда Абрамовича всегда отличается чистотой и понятностью. И главное, его решения занимают всегда мало места.

А черт эту тележку знает

Главный ответ Эдуарда Абрамовича на вопросы, на которые наука еще не знает ответа - «А черт его знает, что там творится». Когда он хочет сказать, что чего-то очень много, то говорит: «Вагон и маленькая тележка».

А пусть другие на больших компьютерах считают

В далеком прошлом, когда не существовало персональных компьютеров, Эдуарду Абрамовичу приходилось считать и программировать на больших электронных машинах. Но все же, как теоретик, он не уделяет большого внимания конечным расчетам. При нашей совместной работе я спросил: «Вот получим мы формулы, а дальше что мы по ним считать будем?», на что Э.А. ответил: «А пусть другие в больших компьютерных центрах считают. Наша задача только алгоритм им описать».

От Z не зависит

Эдуард Абрамович всегда участвовал и продолжает участвовать в общественной жизни факульте-

та. Посещает «Дебюты первокурсника», а также Дни факультета, которые имеют гордое название «Дни физики». На Днях физики Э.А. обязательно участвует в научной конференции, рассказывая студентам о необычных опытах и экспериментах. Участвовал Э.А. и в КВН между студентами и преподавателями. Как-то собравшись всей командой преподавателей, мы начали придумывать вопросы и ответы на разминку. Одна из пар вопрос-ответ, рожденная коллективным разумом, завершающий штрих в которую внёс Э.А.:

Вопрос: Чему равна производная от трех букв?

Ответ: По X одно, по Y другое, а от Z вообще не зависит! (*)

Как на подбор

Как-то Э.А. рассказал мне, что в самом начале заведования кафедрой теорфизики на него написали «письмо», что он подбирает аспирантов, как теперь говорят, «по национальному признаку» (**). Я спросил Э.А.: «А разве это не так?», на что он мне начал перечислять своих аспирантов за последние двадцать лет. В итоге я ему сказал: «Вот видите, вы все-таки набираете аспирантов по интернациональному признаку» (***)

Почему ветер дует? Потому что деревья качаются

Кроме трудных предметов, которые он преподавал на физфаке, Э.А. еще читает на некоторых специальностях КСЕ (концепция современного естествознания). На лекциях по этому предмету студентам-нефизикам даются основные знания по месту физических явлений в нашей жизни. И на занятиях по КСЕ Э.А. не требует знаний фундаментальных основ физики, а только базовых познаний, объясняющих окружающий мир: почему трава зеленая, почему солнце желтое, почему реки текут, почему большой адронный коллайдер не взорвется.

Главное, что в голове, а не на бумаге

У Э.А. некоторые преподаватели переняли его способ принятия экзамена с допуском. Вошедшего студента сразу на пороге он спрашивает базовые знания по предмету. Если экзаменуемый смог выдержать эту проверку знаний, он допускается к сдаче экзамена. Ему даются экзаменационные вопросы, и он может сидеть, готовить их хоть по конспектам и учебникам. Но это еще не все. Ведь дальше студенту предстоит защищать взятые напрокат знания, и если у него из них что-нибудь останется, значит, экзамен он выдержал и свою оценку получит.

Тонкие и толстые

Конечная версия докторской диссертации Эдуарда Абрамовича была чуть ли не в два раза толще первоначальной версии, и только тогда её разрешили представить к защите. «Чем тоньше книжка по физике или математике, тем дольше она читается. Необходимо запастись большим количеством бумаги и терпения для понимания и проверки всех мыслей в этой книжке. Если хотите, чтобы ваш труд поняли, пишите подробней».

(*) Частные производные по различным переменным дают различный результат. Например, частная производная по X от произведения XYZ равна YZ, по Y - XZ, а по Z - XY.

(**) Национальный признак (не путать с наследственным) - причина, по которой все представители группы имеют одну национальность, часто совпадающую с национальностью лидера группы.

(***) Интернациональный признак (не путать с национальным) - причина, а точнее ее отсутствие, по которой все представители группы имеют различные национальности.



(Окончание. Начало на стр. 1)

Что было для Вас самым сложным на ранних этапах педагогической деятельности?

(Екатерина Петелина, 3-й курс)
- Дать адекватную оценку собственным педагогическим способностям трудно. Я их несколько переоценивал, увлекаясь эмоциональной стороной изложения, логикой излагаемых событий, и нередко упускаю вопрос о том, как всё это воспринимается учениками, что остаётся в их памяти, сознании и чувствовании.

Ваша целеустремлённость - результат воспитания в семье или самовоспитания?

(Ольга Горлова, 3-й курс)
- Роль родителей, их пример, их оценки значили очень много. Увлекался чтением. От корки до корки перечитывал «Литературную газету». Но больше всего - это результат сложных обстоятельств времени. Родился я в Москве, война забросила в Омск, отец был репрессирован, мать работала с утра до глубокой ночи. На моём попечении был младший брат. Нужно было всё успеть: добыть денег (продавал старые газеты), что-то купить, сварить, накормить и отвести брата в школу, посетить школу самому и т.д.

Когда Вы всё успеваете? Где черпаете силы?

(Алёна Сафонова, 3-й курс)
- Силы придаёт успех, ответственность, поддержка родных, сокурсников и учеников. Учимся друг у друга и поддерживаем друг друга.

Быстро ли Вы определились с выбором профессии?

(Асима Касёнова, 3-й курс)
- В силу ли ограниченности природных задатков или обстоятельств жизни (я часто вынужденно пропускал уроки в 5-м и 6-м классах и плохо усвоил азы математики). Мне

больше импонировало гуманитарное знание. Поступил на исторический факультет, мечтал стать историком (а не педагогом). Но в аспирантуру меня, как врага сына народа, не приняли, (хотя окончил институт с отличием), а направили учителем истории в школу. Постепенно почувствовал, какое это живое и интересное дело - работа с растущим и развивающимся человеком. А исследовательский материал не в архивах, а в классе, я мог в него погружаться, что называется, «без отрыва от производства», созидать и выдавать результат.

Что Вы думаете о современной педагогической ситуации в России?

(Марина Чирятьева, 2-й курс)
- Она очень сложная. Люди, определяющие социальную стратегию государства, хорошо это понимают. На уровне общих установок и ориентаций, официальной риторики всё верно. На уровне конкретных решений и в центре, и в регионах многое делается не так, как нужно. Школа финансируется более чем скудно. У нас на образование идёт всего 3 % ВВП, тогда как в развитых странах от 7 до 12 % ВВП. В педагогическую сферу и педагогическое образование должны идти талантливые люди. Будем надеяться, что в предстоящем 2010 году, объявленном годом Учителя, будут сделаны реальные шаги к лучшему в образовании.

Кто из известных педагогов Вам ближе всего и почему?

(Роман Маршалко, 2-й курс)
- Из педагогов прошлого - А.С.Макаренко и Януш Корчак. У них действенная и преобразующая любовь к детям, глубокое проникновение в процессе воспитания, во внутренний мир воспитанника, органичное сочетание науки, искусства и практики.

Из современных педагогов мне очень импонирует Евгений Ямбург

- глубокий педагог-философ и изобретательный директор школы.

Над каким исследованием Вы сейчас работаете?

(Елена Тюменцева, 2-й курс)
- Я изучаю опыт инновационных преобразований в российском образовании за последние два десятилетия, содержащиеся в этом опыте достижения и оценки. Пример Тюменской области как активного очага инновационных преобразований в этом отношении очень поучителен, тем более что область официально объявлена региональным консультантом для других регионов России.

Как Вы думаете, что нужно изменить в современной системе образования?

(Николай Фролов, 2-й курс)
- Преодолеть непрофессионализм в управлении образованием, стремление реформировать его преимущественно административно-командными методами, прислушиваясь к рекомендациям науки и передовой практики, не сводить роль образования к «предоставлению услуг», понять, что образование - это сфера культуры, взращивание человека.

Каково Ваше жизненное кредо?

(Юлия Проворова, 2-й курс)
- Работать честно и ответственно и всячески помогать всем, кто к этому стремится.

Как началась Ваша педагогическая деятельность?

(Валя Маслякова, 2-й курс)
- Непрофессиональная - с воспитания младшего брата, т.е. с 12 - 13 лет, а профессиональная - после окончания Тюменского педагогичес-

кого института (ныне это Тюменский университет) в школе №5 г. Ишима. В Ишиме проработал 20 лет учителем, директором школы, доцентом и проректором пединститута. Там написал и защитил кандидатскую и подготовил докторскую диссертацию, там родились и подросли дети. Ишим очень симпатичный, какой-то спокойный город, там меньше суеты и лучше думать и писать, доброжелательные люди.

Какую свою книгу Вы считаете самой удачной?

(Ольга Балашова, 2-й курс)
- Пожалуй, «Исследовательская деятельность педагога» (М. 2006 и 2008 - 2-е издание). Хотя мне дороги и другие мои книги. Пока книга мне самому не покажется удачной, я ее в печать не сдаю.

Какие советы Вы бы дали начинающим педагогам?

(Светлана Пашкова, 2-й курс)
- Идите в профессиональной деятельности своей интерес, свою тропинку, свою изюминку, она может родиться из интереса к предмету, который преподаете, интереса к ребенку и процессу его взросления, интереса к исследовательскому поиску, даже интереса к собственным талантам и возможностям. Но стремитесь все это направлять на своих воспитанников.

Много читайте и думайте над прочитанным. Используйте «на всю катушку» Интернет и компьютерные программы, но помните, что они не заменяют книгу, живое общение и собственные размышления.

Чем в жизни Вы гордитесь больше всего?

(Филипп Боярских, 2-й курс)
- Тем, что умею говорить правду, и тем, что всего добивался собственным трудом. Тем, что мне иногда удавалось «прорваться сквозь обстоятельства», например, стал академиком, минуя ступень член-корреспондент, когда были сняты барьеры, связанные с пресловутым 5-м пунктом, а академический уровень был уже давно достигнут.

Какую роль в Вашей личной (семейной) жизни играет психология?

(Анастасия Шустова, 4-й курс)
Очень важную. Психологическая поддержка в семье - неперемное условие продуктивной жизни и работы. Очень вдохновляют успехи, озадачивают трудности и тревожат болезни детей, внуков, правнуков, открывает поддержка и доброе слово жены Раисы Ефремовны, с которой мы вместе уже 38 лет. Но вообще-то она не только отличный педагог, но куда более состоятельный психолог, а я в практической психологии не очень силен.

Какую роль сыграли Ваши научные наставники в Вашей жизни и карьере?

(Екатерина Елина, 4-й курс)
- Я стремился у каждого педагога в институте, когда учился, у ученых, с которыми общался, брать то положительное, что они несли в своей личности, но никогда не надеялся на протекцию, покровительство. Очень ценю моих научных наставников - доцента Н.В.Нечаева и профессора М.А.Данилова и М.Н.Скаткина. Учусь у своих коллег, среди которых много моих учеников. Верно изречение: Учитель, вырасти учеников, чтобы было у кого учиться (прибавлю: и тебе, и другим).

Как Вы обычно празднуете Новый год? Есть ли в вашей семье особые традиции, связанные с этим праздником?

(Анна Бельых, 4-й курс)
- Моя дочь родилась как раз под Новый год. И поэтому у нас семейный праздник - Новый год и день рождения любимой дочери. Празднуем в семье, как самый дорогой праздник.

Легко? Ну так оглянитесь вокруг

Чему меня научил Владимир Ильич?

Пожалуй, оптимистичной терпимости к недостаткам окружающих. Глядя на него, понимаешь, что сочетание в одном человеке, с одной стороны, реальной, идущей изнутри, а не придуманной и созданной окружающими значимости и честности, принципиальности, с другой - реальность. Подобное сочетание - вещь раритетная в наше время всеобщей гонки за статусом и его внешними признаками. Многие скажут, отчего бы не быть таким: все есть, многими признан - легко быть чутким, добрым, терпимым, щедрым... Легко? Ну так оглянитесь вокруг.

Ольга СЕЛИВАНОВА,
доктор педагогических наук

Появился долгожданный плюс

После окончания физико-математического факультета Тюменского пединститута в далеком 1961 году я сразу был направлен завучем Каменской средней школы Тюменского района. Искусству управления школьным коллективом никто и никогда меня не учил. Было трудно, но в какой-то мере помог опыт комсомольской работы: в институте я был секретарем комсомольской организации факультета. В дальнейшем мне приходилось работать директором школы, заместителем заведующего Тюменского обкома и т.д.

Естественно, возникал вопрос: а почему управлению образовательными учреждениями не учат еще на студенческой скамье? Став солиста, я предложил, своему научному руководителю академику В.И.Загвязинскому тему «Формирование готовности студентов педагогических специальностей управленческой деятельности в общеобразовательных школах». Мой выбор он поддержал.

Введение я перерабатывал пять раз и, наконец, на шестом варианте появился долгожданный плюс Владимира Ильича. Все рецензенты и основной научный оппонент М.М.Потапник диссертацию одобрили.

Считаю, что она сыграла определенную роль во введении дисциплины «Управление образовательными системами» в программу подготовки педагогов-психологов и специалистов по методике начального образования.

В течение ряда лет я был заместителем заведующего кафедрой по учебной работе - В.И. Загвязинского. Что меня покорило и покориет в моем научном и административном руководителе? Владимир Ильич - крупный ученый-педагог, имеет огромный авторитет и в то же время исключительно прост в общении и предельно требователен.

Я очень благодарен ему за то, что он помог мне, бывшему партийному работнику, заботой, вниманием, терпеливостью, требовательностью встать на новый, теперь уже педагогический жизненный путь.

Евгений БЕЗРУКОВ, кандидат пед. наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики ИППСУ ТюмГУ

Я не перестаю удивляться его трудолюбию

Мне в жизни повезло на встречи с умными, творческими и нестандартными мыслящими людьми. Одним из них является Владимир Ильич Загвязинский.

На протяжении многих лет совместной работы, научного сотрудничества и просто дружеских отношений я не перестаю удивляться трудолюбию и трудоспособности Владимира Ильича, его умению глубоко вникать в сущность сложных процессов, которые происходят в системе образования, предвидеть вероятные последствия тех или иных тенденций. Но более всего меня удивляет его способность концентрировать внимание на предмете труда в условиях далеко не благоприятных для умственной деятельности.

Однажды мы вместе отправились на поезде в командировку в Сургут. Там, мягко говоря, не очень повезло с соседом по купе. Но ни назойливые разговоры, ни хрип изрядно выпившего случайного попутчика не могли отвлечь внимание Владимира Ильича от изучения результатов новых педагогических исследований.

Другой пример. Как-то зимой Владимир Ильич с супругой, Раисой Ефимовной поехали отдохнуть и подлечиться в местный профилакторий. В один из выходных дней я решил их проведать. И что же там увидел? Владимир Ильич, будучи больным, стоял за холодильником, который изоляла роль высокой тумбочки, опираясь на костыли, и сосредоточенно изучал диссертацию очередного соискателя. На мой вопрос: «Зачем же так перегружать себя?» он ответил: «Не могу же я оставить без внимания докторантов и аспирантов».

P.S. Что тут добавить? - (Прим. ред.)

Михаил ЗАЙЦЕВ, доцент

«Ну, извини, не могу молчать!»

Меня многое поражало в своем Учителе, но расскажу только одну ситуацию. Мы с Владимиром Ильичом приехали на заседание диссертационного совета, в котором я должна была впоследствии защищать кандидатскую диссертацию на следующей, очередной сессии. Соискатель представил довольно слабую диссертацию, но совет был настроен лояльно. И тут Владимир Ильич берет слово и по полной программе критикует диссертацию. После заседания совета я ему говорю: «Владимир Ильич, то же Вы делаете! Зачем так критикуете чужую диссертацию, я же в том совете защищаюсь на следующем заседании!» А он мне отвечает: Ну, извини, не могу молчать!» И потом много раз я видела, как он, не зная на чины, установок свыше, игнорируя собственную выгоду, всегда оворил и говорит не то, что от него хотят слышать, а то, что думает. Он просто не может молчать, когда видит халтуру, сталкивается с политической неадекватностью, опасной некомпетентностью. Я бесконечно благодарна судьбе за возможность работать под руководством Владимира Ильича, работать вместе с ним.

Ирина ЕМЕЛЬЯНОВА, доктор педагогических наук, профессор кафедры общей и социальной педагогики ИППСУ ТюмГУ

Учитель мастерски редактировал мои «лохмато» изложенные мысли

Первый урок от В.И. Загвязинского я получила в бгнность еще студентом, заработав на экзамене по педагогике вместо ожидаемой мною пятёрки (как же, староста лучшей группы университета!) четвёрку. Отвечая на вопрос о технических средствах обучения, я не остановился на их классификационных основах, а просто перечислил те, которые знал. В.И. Загвязинский, выслушав мой ответ, сам описал их классификацию, и я увидел все недостатки своего ответа. Урок: сначала систематизировать, выделить типы и виды, а потом уже описывать на этой основе предмет своего рассуждения.

Другие запомнившиеся уроки касаются моей кандидатской диссертации, посвященной интуиции в профессиональной деятельности педагога. Во время защиты диссертации я в выступлении не согласился с одним из суждений В.И. Загвязинского, что вызвало почти шок у первого оппонента, М.М. Поташника, который заметил: «В первый раз встречаюсь с ситуацией, когда диссертант во время самой процедуры защиты выражает несогласие со своим руководителем!». За давностью срока я уже забыл, в чем я возражал своему Учителю (вполне возможно, был не

прав), но оценил свободу, которую В.И. Загвязинский дает в суждении своим ученикам, предоставляя им право высказать собственные научные убеждения: лишь бы они были! Не могу не сказать и о научной продуктивности своего Учителя. При написании диссертационной работы, обосновав типологию решений, принятых педагогом (стереотипные, логические, интуитивные, импульсивные), я никак не мог найти эмпирические признаки, которые могли бы точно указать на то, к какому виду относится то или иное решение, принятое педагогом при выполнении профессиональных действий. Идею подсказал В.И. Загвязинский: по ведущему звену решения. Выделение ведущего звена позволило при анализе устных или письменных отчетов педагогов достаточно точно устанавливать основания и типы принятого ими решения. В 2008 году, участвуя в XXIX Международном психологическом конгрессе (самом, пожалуй, авторитетном в мире, проходящем каждые четыре года в столицах разных стран мира), я делал доклад по материалам кандидатской диссертации. Оказалось, вопреки тому, что тема за прошедшие 18 лет вовсе не устарела и вызывает интерес, а во-вторых, что больше всего вопросов вызвало то, как я определял вид

принимаемого педагогом решения. И мои объяснения о ведущем звене решения, принимаемого педагогом, вызвали и внимание, и одобрение коллег из разных стран. Урок: когда работаешь с аспирантами или студентами, поощряй самостоятельный поиск, помогай им идеями, а не диктуй, что делать.

Хочется упомянуть и то, что при написании совместных работ (к сожалению, таких очень немного) В.И. Загвязинский не только всегда писал ровно половину текста, но и мастерски редактировал мои «лохмато» изложенные мысли.

Научная продуктивность, которую, думаю, никто из учеников так и не превзошел, доброжелательность, интеллигентность, честность, порядочность, последовательность, масштаб личности - вот качества Учителя, которые сами по себе служат уроками для каждого, кто общался и сотрудничал с В.И. Загвязинским.

Сергей ГИЛЬМАНОВ, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Югорского государственного университета, эксперт-советник Председателя Правительства ХМАО-Югры

Он занимается «огранкой» людей

Первый урок - настоящий ученый должен работать не на себя, а на общество, на будущее. Именно этим отличается деятельность Владимира Ильича Загвязинского, который, не жалея сил и времени, уже десятки лет занимается «огранкой» преподавателей-предметников, которые, помимо своих профессиональных задач, интересуются и философским аспектом своей работы. Основной результат этой деятельности заключается в распространении научно-педагогических основ на всю образовательную работу не только нашего университета, но и региона в целом. Именно это педагогическое «онаучивание» образовательного сооб-

щества является самым эффективным средством для повышения качества образования, о котором так много говорят и пишут в последнее время.

Второй урок - ученый не должен замыкаться в своей узкой области. Подавляющее большинство суперквалифицированных профессионалов отличаются весьма узкой специализацией. Владимир Ильич является в этом отношении редким исключением. Особый склад ума позволяет ему достигать глубокого понимания сущности проблем в самых разных областях науки. Достаточно посмотреть перечень специальностей диссертантов, у которых он был на-

учным руководителем или консультантом: среди них есть и педагоги, и психологи, и медики, и физкультурники, и химики, и математики. На своем личном примере могу отметить, что он без труда понял все идеи моей докторской диссертации, включавшей анализ сложных и специфических, чисто химических проблем, существо которых доступно далеко не всем специалистам-химикам.

Сергей ПАНИЧЕВ, доктор педагогических наук, профессор, завкафедрой органической и экологической химии химического факультета ТюмГУ

Это ощущение молодости, энергии и творческого вдохновения очень заражает окружающих

Примеров того, как человек, доживший высокого положения, начинает изнувать окружающих своей звездностью, в жизни предостаточно. К счастью, Владимир Ильич не из их числа. Будучи обладателем всевозможных званий, титулов и наград, он остается удивительно доброжелательным, открытым, порядочным, искренним, внимательным к людям.

Он всегда идет «от человека». Даже замечания делает так, что хочется работать, двигаться дальше, чтобы хоть в чем-то соответствовать его вере в тебя, чтобы он смог порадоваться вместе с тобой найденному в учениях и подтвердил: «Да, это то, что нужно!» Как же ждут этих слов те, кто работает под его началом! Он «говорит их нечасто, но если уж говорит, им можно верить». При чтенииopusов делающих первые шаги в науке часто поражается их несозрелости, так и подмывает иногда сказать, что это не ново, неинтересно, несостоятельно. Но я вспоминаю, с каким бережливым вниманием и тактичностью разговаривал со мной Владимир Ильич после того, как прочитал мои первые «творе-

ния», сегодня кажущиеся мне не выдерживающими никакой критики, и нахожу совсем другие слова. Спасибо за урок, Владимир Ильич!

У нашего академика есть самое высокое звание - звание Учителя. Его считают наставником не только в науке, но и в жизни огромное количество людей, с которыми свела его судьба. Своим Учителем его называют даже те, кто не общался с ним непосредственно, но учился по его книгам, слышал рассказы о нем тех, кому посчастливилось бывать на его научно-методологических семинарах в разных городах нашей страны. После общения с Владимиром Ильичом люди чувствуют себя способными, твердо знают, что все у них получится. Только надо много работать, ставить перед собой высокие цели и стремиться к тому, чтобы делать больше, чем кажется возможным.

У него есть очень важное качество руководителя - он умеет учитывать человеческий фактор, опирается на особенности, сильные стороны тех людей, с которыми работает. Если он о чем-то просит, отдает распоряжение, рекомендует что-то сделать, не выполнит этого нельзя, подвести его

нельзя. Настолько велик его авторитет в глазах людей. И это не авторитет власти, а авторитет Личности, результат огромного уважения и почтения, которые не даются человеку свыше, их надо заслужить бессонными ночами, переживаниями, размышлениями о судьбах тех, кого ты «приручил», за кого ты отвечаешь.

Владимир Ильич никогда не бывает в творческом простое. У него всегда есть планы новых статей и проектов, тяга к новому, замыслы книг и учебников. Это ощущение молодости, энергии и творческого вдохновения очень заражает окружающих. Чем больше с ним общаешься, тем больше сам настраиваешься на работу, появляются новые идеи. Сначала они могут показаться неосуществимыми, но потом думаешь: если Владимир Ильич в меня верит, значит, я смогу, надо стараться! Спасибо Вам, Владимир Ильич, за веру в нас, Ваши ученики. Она дает нам силы. Здоровья Вам, радости, покоя в доме.

Оксана ЗАДОРНИНА, доктор педагогических наук, профессор кафедры общей и социальной педагогики ИППСУ ТюмГУ

«Восходить» к каждой личности

О Владимире Ильиче - учёном, академике, авторе монографий, книг, учебников, знают и расскажут многие его коллеги и ученики.

Для меня важны другие его уроки. Попробую сформулировать их кратко.

Урок первый. Настоящий, истинный ученый обладает способностью разговаривать с каждым человеком на понятном ему языке, «восходить» к каждой личности. Помню, как была удивлена, когда (еще в эпоху ВПШ) услышала диалог Владимира Ильича и студента-первокурсника, который подошел к академику с каким-то наивным вопросом. В.И. просто и доступно его проконсультировал, с искренним интересом, без иронии или снисхождения. А еще помню, как в неформальной обстановке (в Лукашино) - В.И. очень ласково общался с моим маленьким (в то время 3-летним) сыном - и для него находил интересные темы, объяснял сложные вещи понятным ребенку словами. И тут же вспоминаются блестящие научные доклады В.И., восторг иностранных и отечественных ученых, слушавших их.

Урок второй. Настоящий ученый - не кабинетный теоре-

тик. Идеи, рождающиеся в тиши кабинетов, имеют ценность, только если они востребованы в практике. В.И. свои идеи - новые, интересные, стратегические - воплощал и воплощал, разрабатывая десятки программ и проектов разных уровней (от образовательных учреждений до округов, областей), определяющих развитие регионального образования.

Урок третий. Настоящий ученый - человек творческий, талантливый во всем. Я очень люблю слушать, как В.И. поет романсы - красиво, искренне, тепло. Мне нравятся стихи В.И. Перед прошлым его собеседом я читала некоторые из них. И даже запомнила несколько строчек, запавших в душу: «Лишь женщине дано от века, Чтоб на планете жизнь цвела. Не просто жизнь дать Человеку, А жизнь вдохнуть в его дела».

Урок четвертый. Настоящий ученый умеет любить. Свою семью, жену, детей, внуков, свою «малую родину».

Ольга МОРЕВА, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики ИППСУ ТюмГУ.

Мой папа

Трудную задачу я получила - написать о своем папе, которого очень многие знают, как теперь говорят, он - человек публичный. И этой публике должно быть интересно, чтобы взгляд задержался и они прочувствовали папу не как ученого - об этом пусть пишут другие, а как человека. И полюбили этого человека хотя бы на тысячную долю моей любви. Поэтому попробую зарисовками.

В детстве у меня было два эталона - два Владимира Ильича. Теперь остался один.

Когда мне было 20 лет, у папы было 50-летний юбилей, мы недавно переехали в Тюмень, гости (в основном коллеги и относительно новые друзья) еще не очень хорошо знали папу. Очередь говорить toast дошла до меня, и я сказала: «Мне очень не повезло с папой... (тут все замерло!)... потому что, он для меня является эталоном мужчины (семейные роли) и человека. Всех lidí мужского пола, которые мне встречаются в личной и деловой жизни, я сравниваю с ним, а это слишком высокая планка, к которой никто даже приблизиться не может».

И тем не менее есть вещи, за которые я его люблю (уважаю, обожаю...) и за которые не люблю...

Люблю

Мой папа сделал себя сам - от студента до академика. Во времена, когда все решали «блат» и «связи», он, будучи сыном репрессированного, помогая матери, работающей на нескольких работах, чтобы выжить и прокормить двух сыновей, дома готовил, ухаживал за младшим братом, торговал на базаре водкой и спичками (давались по талонам) и блестяще учился. Несмотря на пятый пункт своей биографии (ответ на который «да»), сделала карьеру от учителя истории вечерней школы до академика.

Мой папа никогда за меня никого ни о чем не просил - это был главный принцип воспитания в семье.

Когда я поступала в наш университет на биофак, мне дома сказали, что я недостаточно умна и вряд ли, конечно, поступлю, но стоит попробовать. А если нет - пойду работать. И родители на период моего поступления уехали из города на отдых. Конечно, всем университетским экзаменаторам моя фамилия была знакома. Поэтому не очень слушали, что я отвечаю по билетам, а задавали дополнительные вопросы на проверку крутوزора. Ведь всем было интересно, отдыхает на мне природа или просто слегка дремлет. Другого варианта многие педагоги, даже когда я уже была студенткой, просто не допускали. Для массового сознания почему-то так считать комфортнее. И я всю жизнь доказывала, что «я не верблюд», и не просто чья-то дочь. Доказывала, начиная со студенческой скамьи, иногда мужественно сдвигая необъективные «3» и «4» по несколько раз. Но никогда папа за меня не просил. И он, и мама всегда говорили, что преподаватели правы - я плохо знаю предмет.

Когда я стала директором гимназии (опять же все считали, что меня «пристроили») папа, а это было совсем не так, мой папа вполне серьезно сказал, что К.Г. Барбакова не умеет подбирать кадры, и это не есть моя штука. Первые пять лет моей работы папа жутко переживал, при всей любви ко мне, что я опозорю фамилию. Теперь, кажется, успокоился уже на эту тему (спустя 12 лет), но все равно всегда настороже. О каких бы проблемах я ни говорила, первая реакция всегда одинакова: «... тут ты виновата, недоработала, недосмотрела, не смогла предвидеть...».

Мой папа (и мама конечно) всегда задавали нам, детям, очень высокую нравственную и интеллек-

туальную планку. По их оценкам я всегда здорово до нее недоотягивала. Поэтому на подаренном им экземпляре своей кандидатской диссертации (кстати, она по медицинской специальности «патологическая физиология», а не по педагогике, как думают многие), я написала: «моим родителям за мужество и героизм, проявленный в борьбе с моей умственной отсталостью».

У нас дома никогда ни о ком плохо не говорилось. Все вокруг были честные, порядочные и справедливые. Поэтому если у меня что-то с кем-то в жизни не получалось, причину надо было искать в собственном несовершенстве. Надо признаться, что с таким мировоззрением я была совершенно не адаптирована к жизненным реалиям. И я до сих пор пишу свою вину в любой ситуации, даже зная, что не виновата. Это может и «перегиб» в воспитании, но это отличный механизм личного и профессионального саморазвития.

У папы потрясающее чувство юмора. Шутить даже на серьезные темы, и в проблемных ситуациях - его стиль жизни. Помню, как он учил меня, маленькую, понимать анекдоты. Я еще в школу не ходила, мне было лет пять, он держит меня за руку, мы куда-то идем и какой-то анекдот про пожарников, которые выжиживают яйца. Я не помню сам анекдот, но помню свой восторг, что научилась понимать анекдоты. С тех пор, как только мы встречаемся, первая тема - новые анекдоты. Собственные сценарии у нас тоже бывают.

- Сидим пьем чай, едим бутерброды. Я говорю: «Папа, тебе вредно столько есть, у тебя живот растет». «А?.. Где?..» - говорит папа, оглядываясь назад и вниз на себя (в области... понятно куда). Я говорю: «1:0». Теперь моя задача - сравнить счет. Через несколько дней опять сидим пьем чай. Все разговоры крутятся вокруг того, что можно есть, а что нельзя, т.к. папа недавно из больницы, где лечился по поводу пищеварительных проблем.

Я говорю: «Папа, тебе нельзя пить такой горячий чай!». Папа на полном серьезе: «А почему?». Я: «У тебя очки запотевают!». Я ликую - 1:1. Так и играем всю жизнь.

Папа всегда меня понимал и никогда серьезно не ругал и не наказывал, даже когда я не соответствовала социально-одобряемым стандартам поведения.

Когда я училась в 9 и 10 классе, параллельно училась заочно (во второй половине дня) в музыкальной. Полноценная студенческая нагрузка после обеда, плюс два часа минимум дома за фортепиано. Училась в школе в основном на пять за счет работы на уроках и переменах. Но у меня было два серьезных недостатка. Первый - не участвовала в общественной жизни - некогда и неинтересно. Второй - учиться тоже было неинтересно и некогда ходить в кино, поэтому регулярно пропускала некоторые уроки и сбежала в кино. Папу, в то время уже профессора педагогики и заведующего кафедрой, периодически вызывали в школу и говорили, какая у него плохая дочь - сбегаешь с уроков, принципиально не носишь белье манжеты (они за день грязнятся), не носишь косички (делает хвост), красишь брови (никогда не красила), не ходит в домашних тапочках в школе, чтобы не портишь крашенные полы и т.д. Папа мягко меня журил, но никогда не говорил банальных фраз типа «мне за тебя стыдно», «ты подрываешь мой авторитет» и т.д. Я, конечно, обещала больше не пропускать и, конечно, снова пропускала. Даже когда при среднем балле аттестата 4,75 я единственная из всех девочек большой школы получала в аттестат «уд»



по поведению за прогулы (тогда не было «хор», только «уд», «неуд» и «отл»), не помню, чтобы он меня ругал, хотя, конечно, это был нонсенс. В школьных родительских анкетах он писал про меня «...ребенок трудный, но интересный...».

И я за это ему очень благодарна. Он меня не «усреднил», не подавил, не сломал в угоду своему беспорядку уже в то время профессиональному авторитету.

Мой папа всегда все умел и мог сделать дома сам - все исправить, отремонтировать, пилить, строгать, плотничать и т.д. Конечно, не как профессионалы в этих делах, но для любителя совсем неплохо. Маме никогда не надо было его два раза о чем-то просить.

Домой папа всегда мог делать любую работу, не деля ее на женскую и мужскую. Моей маме просто жутко повезло! Мыть пол, стирать, готовить, соить капусту... Пока дети были маленькими, он делал все.

Я помню: мы засыпаем - папа за письменным столом, мы просыпаемся - папа уже приготовил завтрак и снова за письменным столом. Когда мама уезжала на курорт лечиться, она совершенно спокойно могла оставить детей с папой. Мое любимое папино блюдо - сладкие гренки, которые он часто делал мне на завтрак и называл для поднятия утреннего настроения «жареный лед». Мы до сих пор это блюдо так называем. А еще папин кулинарный шедевр - жаркое, по нашему мнению, он готовил его лучше мамы. А когда я болела бронхитом, он делал мне напиток от кашля, который я обожаю - какао с молоком, медом и жареным луком. За что я люблю папу, можно писать бесконечно долго, а многие вещи просто трудно сформулировать - родство душ, глубокое взаимопонимание и многое другое.

Не люблю

Совсем не умеет отдыхать. Его отдых - это опять письменный стол, опять работа. Все праздники, выходные, отпуска локализованы вокруг этого стола. Заставить его чем-то заниматься ради здоровья просто невозможно, пока петух не клонет. Все пробует, ждет быстрого результата и вскоре бросает. Улучшает настроение и здоровье только работа: очередная успешно защищенная в Совете диссертация, изданная монография или учебник. Даже на дачу приезжает отдыхать со своими бумагами. Это его жизнь и ее смысл.

Не любит просто о чем-то поболтать. Кроме здоровья и основных жизненных событий членов своей семьи, которых он всех безумно любит, все остальное ему неинтересно. Как только разговор чуть-чуть свернет в сторону, его взгляд тухнет, выражение лица становится отстраненным - и он уходит к своим «бумагам», к которым я всю жизнь его жутко ревную. Поболтать - это к маме, с папой - только о делах! Папочка, любимый, ты для меня в жизни «...» но все равно мне тебя всегда мало. На самом деле мне, конечно же, безумно повезло с папой! С юбилеем тебя, дорогой!

Евгения ЗАГВЯЗИНСКАЯ

В условиях «лагерной жизни» ему не было равных

С Владимиром Ильичом я познакомилась более тридцати лет назад на турбазе Тюменского госуниверситета «Лукашино», где он отдыхал каждое лето со своей семьей. В то время база «Лукашино» представляла собой палаточный городок с харчевней на свежем воздухе, где отдыхали преподаватели университета и их дети, а также спортсмены и тренеры, предпочитающие отпуск без малейшего напоминания о комфорте, поближе к живой природе.

Отдыхающие, а позднее их стали называть «лукашинскими аборигенами», по очереди дежурили на кухне: носили воду, топили печь, готовили обед и мыли посуду. На базе имелся спортивный инвентарь, велосипеды и лодки. Неизменным атрибутом лагерной жизни были походы за грибами, ягодами, рыбалка и вечерние посиделки у костра на берегу озера с песнями и танцами под гитару. Обладая прекрасными вокальными данными, Владимир Ильич проявил себя великолепным исполнителем, которому в условиях «лагерной жизни» не



то, она, по сути своей, обладает истинно спортивным характером, до сих пор молода душой, открыта для общения. Историк по образованию, Раиса Ефремовна, чрезвычайно начитанна и даст фору в дискуссии на любую тему «и физику, и лирику». С ней можно поговорить буквально обо всем, не опасаясь за то, что будешь неправильно понят.

А еще Владимир Ильич и Раиса Ефремовна замечательные родители, для которых дети и в 50 лет



было равных. Хорошо поставленным голосом он с большим вдохновением исполнял старинные романсы, которые с удовольствием подхватывали отдыхающие. Далеко были слышны в вечерней тишине душевные мелодии, навевающие всем нам воспоминания о замечательном прошлом и мечты о светлом будущем. Каждый вечер становился для нас событием.

Раиса Ефремовна, жена Владимира Ильича, человек по своей природе очень легкий на подъем, несмотря на погоду, каждое утро и вечер с группой единомышленников плавала в озере и делала зарядку, прибыв к этому занятию многими. А еще она знатная ягодница, которая и в прошлое лето, не изменила своим «землянично-черничным» традициям. Она вообще удивительная женщина, умеющая дружить с людьми любого статуса и возраста. Никогда не занимаясь по-настоящему спор-

- просто дети. Каждое лето внуки Загвязинских, Лена и Лина, проводили в «Лукашино». И с их слов, с этим сказочным местом у них связаны одни из самых ярких воспоминаний детства и ранней юности. Впрочем, те, кто «вырос» в «Лукашино», будучи взрослыми людьми, приезжают на свою «малую родину», чтобы предаться приятным воспоминаниям. «Лукашино» - это не просто место отдыха, это особая планета в галактике ТюмГУ, на орбите которой каждый мог проложить свою индивидуальную траекторию движения, где подзаряжались звезды даже академической высоты, где будни, с позиции сегодняшнего дня, также дороги, как праздники...

Ирина МАНЖЕЛЕЙ,
доктор педагогических наук,
профессор кафедры спортивных дисциплин

«2x2», «пояснить»

Одно время я «училась» писать научные статьи - приносилась Владимиру Ильичу свои многочисленные варианты, пыталась их улучшить... Владимир Ильич всегда внимательно читает и дает свою оценку, ставит на полях «2x2», «пояснить» и более подробные комментарии. И всегда - готовность помочь. Беседа, очень точные замечания по тексту. Причем до понимания многих высказанных им идей еще надо «дорасти», поэтому в ходе беседы записываю все подряд, и даже то, что сама еще толком не понимаю, а уже потом - догадываюсь, читаю книги, ищу новые материалы, выношу. Общая оценка статьи, как правило, не положительная: надо ис-

правлять, дополнять, вносить новое содержание, искать что-то новое. Но - ужохо окрыленная, счастливая. Этот свой опыт я считаю очень важным - и как для ученого, и как для педагога. Но это только один из эпизодов. Каждая встреча с Владимиром Ильичом надолго остается в памяти, потому что в его присутствии происходит какие-то мистические изменения, которые иначе как «к лучшему» я бы не назвала.

Евгения БЕЛЯКОВА,
доцент, заместитель директора по науке института психологии, педагогики, социального управления

После уроков Загвязинского сам черт не страшен

Владимир Ильич Загвязинский крупный учёный-методолог с мощнейшим интеллектом и масштабным видением научно-педагогических проблем. Запомнилось, как членкор РАО Бочарова В.Г. во время своего приезда в Тюмень, говоря о высочайшем авторитете Владимира Ильича в Российской академии образования, подчёркивала, что в наше непростое время и в академии-то не ко всем прислушиваются: иных «захлопывают» (и даже «затопывают» - вот нравы!), но если слово взял Владимир Ильич - водаряется тишина, и коллеги-академики вынимают с уважением и интересом.

Для меня «уроки академика» начались в студенчестве (35 лет назад!) и продолжаются до сих пор. Одним из показателей «успеваемости» в научно-педагогической школе Владимира Ильича является то чувство уверенности, лёгкости и свободы, которое испытываешь, выходя на внешний уровень (защита диссертации, серьёзное выступление или полемика на конференции). После «уроков Загвязинского» внутренний научный цензор оказывается настолько натренированным, что «сам черт не страшен».

Владимир Ильич - человек многогранный, а потому, одновременно, сложный, порой - очень сложный. Чтобы включить «панорамное виде-

ние» (термин В.И.), приходилось на время отстраняться. «Лицом к лицу лица не увидать» - и... я дважды от него уходила (отложив очки, но взяв бинокль!). Однако, после некоторой передышки, становилось пусто, грустно, скучно из-за нехватки экстрима, адреналина или ещё чего-то... И я возвращалась, чтобы брать у академика Загвязинского новые уроки.

За годы совместной работы приходилось видеть Владимира Ильича в разных ситуациях, а потому воспоминаний и эмоций - великое множество, и все они, в основном, в контексте большой науки. Но всё-таки самым ярким и острым впечатлением, тёплым воспоминанием стало следующее. 1984 год... весна... Я - тогда ещё не очень уверенная в себе аспирантка - завела на кафедру четырёхлетнюю дочку (в детсаду - карантин) и сразу обратилась к Владимиру Ильичу, пытаюсь ему передать статью и т.п. Однако в этот момент к нему обращаться было бесполезно. Всегда собранный, быстро реагирующий и деловой, Владимир Ильич, оставив все дела, с просветлённым лицом начал беседу с малышами и никого вокруг, кроме детей, не видел. Скорее всего, он забыл об этом случае, но для меня эта сцена - ключевая: в фокусе панорамного видения академика За-

гвязинского всегда находится Его Величество Ребёнок!

И пусть «расписание уроков» академика В.И. Загвязинского всегда будет насыщенным.

Альфия ЗАКИРОВА,
доктор педагогических наук, профессор академической кафедры методологии и теории социально-педагогических исследований



Его понедельник начинаются в субботу

Владимир Ильич Загвязинский не очень любит юбилей. А вот я рада этому предстоящему событию, чтобы сказать ему, как много он для меня значит. Не всегда есть эта возможность: университетская жизнь «разбросала по разным корпусам», к тому же если прийти к нему и сказать «я вас очень ценю» и перечислить все, что скажу сейчас, то подумает, заболела... Однако уличить меня в лести никак нельзя - докторскую под его руководством я защитила шесть лет назад и под непосредственным руководством тоже не нахожусь. Поэтому со всей искренностью скажу следующее.

С научным руководителем по кандидатской диссертации мне не очень повезло, а настоящим руководителем и истинным Учителем для меня стал Владимир Ильич. Причем не грозным ментором-патриархом, а тонким, чутким и понимающим Учителем. Даже не представляю, когда бы я ввязалась за докторскую, если бы не он. Конечно, мы были давно знакомы, зачастую на конференциях я ловила на себе его проницательный взгляд. Но однажды он поставил вопрос ребром и «сделал предложение, от которого было невозможно отказаться» - «Пора писать докторскую. У тебя же для этого все есть - учебник выпустила, теперь разрабатывай концепцию, подводи теоретическую базу!» Думала, пошутил, забудет. Не забыл! У меня до сих пор в памяти остается то, как я писала автореферат докторской, находясь с ним на университетской конференции в «Солнышко». Как бы невзначай он сказал, что сегодня мы будем писать автореферат. Находясь рядом коллеги услышали и не поверили: писать в 30-градусную жару, на юге, где шумело море и все после выступлений на конференции собирались на массовый заплыв! Видя, что отступить не удастся, успокоила себя фразой «Animus rege, qui nisi pareat, imperat (Управляй своим настроением, ибо оно, если не повинуется, то повелевает)» и ничуть не пожалела, заменив морские процедуры на общение с академиком. Владимир Ильич работает виртуозно. Кажется, он вытаскивает на поверхность твои собственные мысли, которые до этого мирно покоились в голове.

Например, говорит: «Формулируй гипотезу, определяй новизну. Я формулирую. Говорит: «Скажи это конкретнее, развивай мысль, еще добавь, аргументируй... а вот теперь запиши, это пойдет...» И так четыре дня. И черновой вариант реферата готов. Уже позже я узнала, что именно так работают со своими подопечными профессора Оксфорда, которые гордятся тем, что они готовят «шпунных специалистов». А почему? Потому что они целиком себя им посвящают, отдают им себя без остатка.

Конечно, были и непростые моменты. И здесь Учитель был воспитателем. Как-то даже сказал, чтобы я уходила и никогда больше не приходила, если буду работать с такими перерывами. Первой реакцией было уйти и никогда не возвращаться. Но, уже уходя, я вдруг взглянула на него и увидела в глазах не только укор, но и искру сожаления. Для меня это была зацепка. «Да ведь он меня таким образом воспитывает!» - подумала я и не ушла. И после этого за год написала докторскую диссертацию. Уверена, что таким высоким темпом работы обязана именно ему. Всегда было ощущение, что «мы заодно». Брала и читала горы книг из его богатейшей домашней библиотеки, и почти отговевала у их домашнего любимца - роскошного кота - кресло возле стола Владимира Ильича. С молчаливого согласия Владимира Ильича задавала невероятно высокий темп работы. Бывало, вечером принесу текст (страниц 100), а утром получаю его с замечаниями. А замечания были просто изумительными. С юмором, я их до сих пор хрюмю. Например, «Ну и завернула! Что это за «межкультурный медиатор», так и скажи, что космополит!» Или «Ух ты! А как это будет по-русски?». Однажды, правда, сказал: «Вы и себя, и меня загнули, сбавьте темп». Но сбавлять его уже было слишком поздно. Готовясь к защите, я ежедневно приходила к нему домой и до сих пор перед глазами такая картина: мы читаем и обсуждаем текст, а Раиса Ефремовна (жена) тихо сидит у торшера и читает книгу. В этой роскоши общения было какое-то особое душевное тепло. В тот период дом Владимира Ильича стал

для меня единственным местом, где я чувствовала себя хорошо и спокойно. Однажды я сказала «Мне хорошо только у вас, меня никто не понимает». И Раиса Ефремовна ответила: «А ты переживай и поживи у нас, пока не защитишься, места у нас хватит». И она не шутила. Я до сих пор благодарна ей за такую редкую душевную щедрость и отзывчивость.

Еще я благодарна Владимиру Ильичу за интеллектуальное доверие. Он дает полное право на собственное мнение и не давит, радуется, когда получается интересный материал. Зная, что на защите человек теряет чувство времени и может не упомянуть о достигнутых результатах, договорились, что он во время моего зачитного слова даст знать, укладываясь в регламент. Смотрю, я он показывает из-за своей спины мне два пальца - значит, осталось две минуты. А когда закончила зачитное слово, показала жестом - «адориво!».

Владимир Ильич - тот, кто ни дня без строчки. Либо читает чьи-то работы, либо пишет сам, либо консультирует. Его понедельники начинаются в субботу. А отдых становится почти абстракцией. Зато у него все больше учеников, которых он ввел в науку, и для которых он - человек особенный и незаменимый, потому, что он - МАСТЕР.

Ирина ПЛУЖНИК, доктор педагогических наук, завкафедрой иностранных языков института государства и права ТюмГУ



Работать на полном дыхании - это огромное удовольствие

Жить - это постоянно встречаться с людьми, которые определенным образом воздействуют на твои мысли, чувства и дела. В детстве и юношестве - это не только родители и родственники, но и учителя в школе, и преподаватели в вузе, влияние которых предопределяет в дальнейшем многие наши поступки. Но иногда и уже во вполне взрослой зрелой жизни могут происходить встречи, которые становятся поворотными в судьбе человека, когда уже невозможно думать, чувствовать, жить по-прежнему.

Нам, аспирантам Тюменского медицинского института, пришедшим на занятия по педагогике в ТюмГУ, сообщили, что лекции будет читать единственный в Тюменской области академик РАО. Мы с большим любопытством ждали встречи с этим человеком - «небожителем» по нашему представлению. Первые впечатления - не только потрясение от простоты и доступности, комфортности и спокойствия, тонкого чувства юмора в общении, но и от явного удовольствия, которое испытывает сам Владимир Ильич в диалоге с молодыми учениками.

В качестве заместителя декана факультета Высшей педагогической школы мне приходилось обращаться с разными поручениями к В.И. Загвязинскому как заведующему кафедрой. Я не представляла себе, какую ежедневную огромную работу выполняет академик. Гораздо позднее, увидев все своими глазами, была поражена этой трудоспособностью, недостижимой для многих людей. Создается такое впечатление, что для академика работать на полном дыхании - это огромное удовольствие.

Став докторантом Владимира Ильича, начала по-настоящему пони-

мать, с каким неординарным человеком мне посчастливилось встретиться. Поначалу немела и терла дар речи в его присутствии, поскольку боялась показаться глупой, поэтому девизом моим было: слушать и слышать, учиться и учиться! А учиться есть чему: гражданской позиции в защиту ценностей отечественного образования, научной щедрости (Владимир Ильич постоянно дарит свои идеи для пользы дела), бережному отношению к чужим научным идеям, их постановке и полновесному раскрытию, умению подсказать и направить на путь истинный. Владимир Ильич, как садовник от Бога, может не только рассматривать в нежном бутоне будущей потрясающей цветка, но и помочь ему раскрыться, удаляя лишнее. Да, садовнику приходится использовать ножницы. Это не всегда приятно, но, как показывает опыт, от этой процедуры выигрывает не только сам цветок, но и все разнообразие сада, созданного за много лет кропотливого труда.

Наталья МАЛЯРЧУК,
кандидат медицинских наук, доцент кафедры клинической и юридической психологии



Сначала в бой шла «легкая артиллерия»

С защитой докторской диссертации «Движущие силы учебного процесса» Владимир Ильич стремительно вознёс на педагогический олимп, заняв место рядом с корифеями дидактики - Даниловым, Лернером, Скаткиным, имена которых упоминались почти в каждой монографии и диссертации. Поэтому, когда он пришёл на нашу кафедру, мы встретили его как педагогического мессии, спустившегося с небес, чтобы спасти народ от дремучей методологической неграмотности. К тому же он прямо заявил, что будет обращать нас в свою веру. «Обращение» началось почти сразу же, и вскоре методологические семинары, которые он проводил, раздвинули стены кафедры, превратившись сначала в общеуниверситетские, а затем и в общегородские. Образовался круг почитателей из поклонников, которым откровенно нравился этот красивый, умный, интеллигентный мужчина, и преданных учеников, ловивших каждое его слово. И было чему внимать! Приведу лишь два его «поучения», высказанные с разницей в какие-то 10-15 лет:

- Истинный учёный отличается от лжеучёного не цветистой россыпью научных терминов, а умением говорить о сложном просто, ясно и точно формулируя свои мысли.

- Не уподобляйтесь исследователям, которые, как парашотисты, прыгают из заоблачных высот методологии на землю образовательной практики, минуя теорию.

Настоящей школой было для нас коллективное обсуждение научных статей, подаваемых в кафедральный сборник. Позднее эту процедуру

мы стали между собой называть (с лёгкой руки ныне доктора педагогических наук, проф. Л.И. Гриценко) смеяванием: действительно, шкуру снимаем с каждого, кто этого заслуживал, невзирая на учёные степени и звания. Сценарий обсуждения статей был выстроен по всем правилам стратегии и тактики ведения боя (напомню, что по базовому образованию Владимир Ильич - историк): первым словом представлялось «лёгкой артиллерии» - ассистентам и начинающим соискателям, которые, конечно же, не могли делать более серьёзных замечаний, кроме: «нарушение логики изложения», «нерядоположенность», «стилевые погрешности» и т.п. Потом в бой вводились «тяжёлые орудия» - кандидаты наук, доценты, которые предельно тактично, но по косточкам разбирали творения авторов. Завершающую точку в анализе статьи ставил сам мэр: сначала он усидливо хвалил работу (и откуда только находил положительное!), а потом выдал по полной программе. И мы уже знали: чем хвалеее начало, тем печальнее для автора заключение: переработать, услышь, углубить... Такая работа была проделана не напрасно. И теперь, работая над текстом, я зримо представляю, как будет реагировать Владимир Ильич на те или иные мои слова, фразы, словесные обороты, и тут же исправляю написанное.

Тамара СТРОКОВА,
кандидат педагогических наук, доцент академической кафедры методологии и теории социально-педагогических исследований.

Представляете, что для меня означала эта фраза!

ИРЕНА ГЕЦЕВИЧ

Для меня Эдуард Абрамович АРИНШТЕЙН - человек с другой планеты. Повод был для меня исключительный: человек потратил день, часть отпуска лишь для того, чтобы поехать и познакомиться вживую с адронным коллайдером. Еще раньше, года два тому назад, я была на лекции, которую на физическом факультете читал академик Р.И. Нигматулин. Профессор Аринштейн, я обратила на это внимание, сидел в первом ряду. Ему всё, что рассказывала коллега из Москвы, было интересно. А речь тогда шла о «Мире», глубоководном аппарате, и покорении Арктики. Аринштейн задавал вопросы, Нигматулин на них отвечал. Я просидела молча, ведь физика для меня такой трудный предмет, что подумать страшно. Еще раньше, кажется в самом начале века, один из выпускников физического факультета, Михаил Аверин, в интервью нашей газете рассказал, что его в студенты принял профессор Аринштейн. Это была любопытная история, почти анекдот. В 7-м номере нашей газеты было интервью моего коллеги Игоря Филатова про физиков и лириков, главную роль в нём мы отдали профессору Аринштейну. Ну, и совсем романтический эпизод: в прошлом году я часто посещала филармонию и почти всегда среди публики узнавала знакомое лицо, так и хочется сказать, похожее на Эйнштейна.

На самом же деле Эдуард Абрамович похож сам на себя. И, может, еще на родителей. Храня в своей памяти штрихи к его портрету, написанные разными людьми, а потом, поговорив с ним несколько часов краду, я так и не смогла приступить к главным вопросам интервью, то есть о ФИЗИКЕ я НИЧЕГО не спросила. Хотя поняла, что разговариваю с человеком, самоотверженно уважающим дело, которому он уже более полувека служит. С человеком, который безоговорочно предан науке. Но что меня больше всего поразило в нём, так это совершенно молодой голос и руки. Я даже спросила: «Что они умеют ещё делать, кроме как выставлять неуды в зачётках?»

О нём на самом деле можно много написать. В его биографии было столько встреч с великими людьми! Он спорил даже с академиком Ландау. Было такое. Хотя всю жизнь посвятил педагогической работе, став университетским человеком, настоящим профессором, до самых кончиков пальцев.

Встретившись с профессором в канун юбилея, я попросила его ответить на любые, даже самые наивные вопросы. Получились и правда штрихи к портрету.



Братья Аринштейны

- **Уважаемый профессор, почему Вы стали физиком, а не музыкантом?**

- Потому что, когда я окончил школу, началась эпоха атомной энергии. Я тогда чувствовал, что наша цивилизация будет стремительно меняться, а главной движущей силой этих перемен станет физика.

Давайте так. Посмотрим, что нас окружает? Электричество. А это физика конца XIX века. Люминесцентная лампа - это физика середины XX века. Сейчас появились новые светодиодные лампы. Это физика конца XX века. Пойдём дальше. Первое радио - начало XIX века. Полупроводниковые, транзисторные радиоприёмники - середина XX века, сейчас в ходу миниатюрные приёмники - это конец XX века. Компьютеры. Первые компьютеры появились в середине XX века. Они были очень громоздкими, на лампах. Примеры можно продолжать. Тогда я чувствовал, что наша цивилизация будет развиваться стремительно, и главную скрипку в этом процессе сыграет физика. Так оно и вышло. Простейшие примеры я привел.

XXI век называют веком биологии, основанным на физических методах исследования.

- **Хорошо, объяснения принимаются. Следующий вопрос: какие предметы из школьной программы Вы больше любите, а какие больше знаете?**

- Отвечу так: у меня отец - инженер, и с раннего детства он дал мне понять, то, что касается техники - это движение вперёд. И снабдил замечательными книжками «Занимательная физика», «Занимательная математика» и т.д. И в школе физика, математика, тем более я поработал во время войны на заводе...

- **Как, на заводе?**
- Так во время войны все работало на заводах.

- **Расскажите подробнее об этом.**
- Что тут рассказывать, не я один работал. Перебрали моторы... Давайте вернёмся к теме разговора. Так вот физика, математика были и любимыми предметами, и теми, которые я хорошо знал и понимал, что главное. Могу рассказать пример из моей школьной практики. У нас не было учителя физики. Я завершал обучение в школе уже в послевоенное время. Большинство моих одноклассников по физике «плавало». Я же прочитал школьные учебники, парочку вузовских, и для меня никаких проблем со знаниями по этому предмету не было. К тому же выпирывал все олимпиады.

- **Какой умный мальчик! Тогда так, наверное, все про Вас говорили?**

- Не умный, а любопытный. Читал я очень много. Книголюб. И не только учебники читал, но и всю классику.

- **Наравне, сочинения писали хорошо?**

- Не могу похвастать. У меня была одна проблема, буквы пропускал. Знаете, для того, чтобы получить в школе медаль, нужно было сочинение написать на пятёрку. На выпускном экзамене написание сочинения давалось шесть часов. Помню, написал очень короткое сочинение и всего за полтора часа, а всё остальное время проверял, тщательно выверяя каждое слово.

- **Пятёрку получили?**

- Получил.
- **Молодец! Представляю, что это был за опус. На одну страничку.**

- Больше. Но мне потом сказали, что получилось так, будто я доказываю теорему. Тема попала под подходящую - «Господа Головаёвы» Салтыкова-Щедрина. Само произведение написано в довольно жёсткой манере. Мне подходило. Написал коротко и долго-долго проверял, каждую буквочку, каждую запятую.

- **А Вы помните, с какими игрушками баловались в детстве?**

- Не помню. Они были самодельными - это точно. До сих пор помню, что слюнные украшения мы делали таким образом: кусок проволоки стгибали в какую-то фигурку. Опускали в концентрированный раствор соли, она обростала кристалликами, а когда вешали её на ёлку, было очень красиво.

- **Кто Вас так надоумил?**

- Мама. Она работала в химической лаборатории.

- **Да, музыкант, судя по тому, что вы мне сейчас рассказываете, из вас никак не мог получиться.**

- **Почему? Меня музыке учили с пяти лет. Раньше, чем я пошёл в школу. Родители купили пианино.**

- **И понеслась! Тогда для чего Вы Вас учили музыке?**

- Для общего развития.
- **Родители решили, что вы должны стать физиком - и всё тут?**
- Нет, не так было. Они считали, что я должен стать образованным человеком.



Гимнаст

- **В конце концов они довольны были Вашим выбором?**

- Да не очень. Я поступил на физический факультет Томского университета. Отец по этому поводу несколько огорчился. По его мнению, инженер, который что-то придумывает, изобретает - более нужный для общества человек, чем физик-теоретик, который занимается некими абстракциями.

- **А вы хотели стать именно теоретиком?**

- Понимаете, когда я поступал в Томский университет, то увидел, что за время войны экспериментальная база этого вуза пришла в упадок. И единственная возможность всерьёз заняться физикой заключалась в том, чтобы поступать именно на теоретическую физику.

Тем более у меня всегда было очень хорошо с математикой. А теоретическая физика - это логическое приложение к математике.

- **У вас было счастливое детство?**

- Считаю, что да.

- **Можете объяснить, почему?**

- Потому что родители давали мне то, что было именно мне нужно.

- **Что Вы взяли от папы, что от мамы?**

- Трудно сказать. Папа был главным механиком завода, эвакуированного в Кемерово. Работали люди в очень тяжёлых условиях. А после войны он (завод) очень тяжело перестраивался. Так, что в 1956 году у отца случился инфаркт. Потом он работал преподавателем в техникуме. Папа был очень эрудированным человеком. Понятие о том, что «знание - сила» - это у меня от него. Маме я за что благодарен... Да за всё. В семье нас было два брата. Никакой домашней работы мы не боялись.

- **Ну и что Вы умеете делать своими руками?**

- Всё. Обед приготовить, убрать в квартире - словом, всю домашнюю работу.

- **Лампочку поменять?**

- Починить все приборы в доме, прибить, оторвать (смеётся). Так что я ни в чьей опеке не нуждаюсь.

- **Даже в тайге выживаете?**

- Не пробовал.

- **В вашей жизни была война. Какой она осталась в памяти?**

- Что нужно было делать, то и делали. Нужно было работать - работали, по 12 часов, без проблем работали.

- **Когда началась война, Вам было всего 11 лет. Самое детство. Вы вообще понимали, что началась война?**

- Нет. То, что мы оказались в жёстких условиях и так было нужно - это до меня дошло.

- **А закончилась война, когда вам было уже 15. Вы поняли, что такое Победа?**

- Да, старший брат вернулся с фронта, и было такое огромное облегчение по поводу того, что теперь не надо о нём беспокоиться. Во-вторых, радость была всеобщая. Облегчение неизмеримое. Такой огромный груз с плеч народа спал!

- **Ваш отец был большим начальником. Вы чувствовали свою избранность по этому поводу?**

- Нет, конечно. Во-первых, отец был очень демократичным человеком. Что касается привилегий, то их попросту не было. До войны, когда мы жили в Подмосковье, отец работал на строительстве завода, нам дали две комнаты в большой коммунальной четырёхкомнатной квартире. А когда во время войны нас эвакуировали в Кемерово, то дали комнату площадью 14 квадратных метров в бараке общежития городского театра. Хотя начальство получало квартиры в домах областного уровня. Кроме того, когда я работал на том же заводе, где трудился мой отец, то слышал, о чём говорят рабочие. Так вот общее мнение было таково: дипломированных людей на заводе хватает, а вот инженер у нас один - Аринштейн.

- **Приятно было. Вы гордились в такие минуты своим отцом?**

- Конечно.

- **В чём Вы хотели походить на него?**

- У нас с ним были хорошие доверительные отношения. Но он был всегда очень занят и редко бывал дома. Во время войны так я его вообще почти не видел. Но помню, меня всегда преследовала одна мысль: не ударить в грязь лицом, чтобы никто не смея говорить, что у моего папы плохой сын.

- **Вы любили маму, а боготворили отца?**

- Я их обоих одинаково любил. И именно из детства я вынес одну аксиому: человек растёт таким, каким сделала его семья.

- **Подведём черту: то, что сейчас есть в Вас и у Вас, - заслуга родителей?**



Музыкант

- **Во многом - да.**
- **Когда учились в школе, то влюблялись?**

- Пожалуй, нет. Было много всяких увлечений, но всерьёз - ничего. У нас было раздельное обучение. Хотя дружная компания тоже была, с девчонками гулял. Я тогда и спортом занимался.

- **Обратимся к теме выбора профессии. Физиком Вы решили стать сразу и навсегда. Но были ведь какие-то раздумья и по другим поводам?**

- Нет. Я понял, что физика - главная наука века и не стал ей изменять.

- **Избрав физику и вуз, Вы строили планы на будущее. К примеру, чем займётесь после окончания университета?**

- Конкретных планов не было. Могу объяснить, почему. Дело в том, что к концу моего обучения в университете в стране развернулась компания по борьбе с космополитизмом, и я понимал, что мне ничего не светит, на хорошую работу меня просто не возьмут из-за пресловутой пятой графы. Могу сказать больше: после окончания университета я получил распределение в двухгодичный учительский институт, который располагался около г. Барнабика. Поехал.

- **Что тут спорится? А когда отработали, куда дальше?**

- Вернулся в город, пять лет проработал в политехническом институте, 8 - в инженерно-строительном и 11 - завкафедрой физики в Томском институте радиозлектроники и электронной техники.

Разговор об аспирантуре и быть не могло. Я вам могу открыть и такую подробность. Секретарём партбюро на факультете был парень, который учился на год старше меня. Он уже из армии пришёл. Мы жили в одном общежитии. Во время учёбы я много занимался общественной работой! В секцию спортивной гимнастики ходил. Был членом сборной области. Тренировал университетских гимнастов. Участвовал в самодельности... И вот, когда я пришёл к нему с просьбой «Володя, дай мне рекомендацию для поступления в аспирантуру», он мне ответил: «Знаешь, вся твоя общественная деятельность проводится в рамках университета, а не факультета, и рекомендацию я тебе не дам. Я тебя плохо знаю». На что я ему ответил: «Я тебя тоже знать не хочу». И ушёл. Потом, сколько раз мы с ним встречались, я ему руки так и не подал.

- **Скажите, уважаемый профессор, музыка какого композитора сопутствует Вашей жизни?**

- В зависимости от настроения. Могу случай рассказать. Это было, кажется, весной. К нам в Томск на гастроли приезжал великий Рихтер. И вот тогда я впервые услышал 17-ю сонату Бетховена. Помню, шёл домой совершенно потрясённый. Кончилось это тем, что я раздобыл где-то ноты и сам разучил эту сонату. Прежде я играл другие сонаты Бетховена. А ещё Грига, Мендельсона, Чайковского. Одним словом, многих композиторов.

- **И когда Вы начали играть серьёзные музыкальные произведения?**

- Когда учился в университете. В Кемерово у нас не было пианино. В Томском университете я получила наконец доступ к инструменту.

- А почему музыка не стала Вашей страстью?

- Я на музыку смотрел и сейчас смотрю как на духовное богатство.

- И что говорили музыкальные педагоги по поводу Вашего музыкального таланта?

- У меня была домашняя учительница. Это было до войны. Она ходила к нам домой. А у меня просто всё хорошо получалось.

- Вас часто можно встретить на концертах в областной филармонии. Интересно, а как Вы слушаете музыку? По законам физики? И что она вам даёт?

- Повышает настроение.

- Когда Вы учились в университете, часто садились за рояль?

- Да. Я же участвовал в художественной самодельности, солировал, играл в университетском самодельном оркестре.

- Вам бесконечно повезло. Томский университет был одним из лучших вузов страны того времени.

- Война по нему прошла очень жестоко. Многие преподаватели ушли на фронт и не вернулись.

- Вы хорошо учились?

- Был первым студентом на факультете.

- И далось это большим трудом.

- Нет. Я считаю, что это заслуга моего воспитания. Отец научил меня добывать знания самостоятельно. Я брал книги в библиотеке и смотрел тот материал, который должен быть на лекции. Наверное, я был очень несносным студентом, потому что задавал лекторам очень много каверзных уточняющих вопросов. Во время семестра занятия у меня отнимали 2-3 часа в день. А вот во время сессии я был самым большим бездельником в университете. Я мог накануне вечером просмотреть материал и пойти на отлично сдать экзамен.

- Собственно, другой оценки Вы и не знали?

- Была у меня одна четвёрка по политэкономии социализма. Накануне экзамена на консультацию преподаватель политэкономии нам долго объяснял, как действует закон стоимости при социализме. И мы раза четыре или пять, все по очереди, спрашивали, как действует этот закон. Она терпеливо объясняла. Прощаю консультацию. И ни одной пятёрки на экзамене она нашей группе не поставила. Это было на третьем курсе.

- Скажите, пожалуйста, а когда физика для Вас стала совершенно занимательным предметом?

- Ещё в школе. Как я в школе учился? Тогда учебник можно было купить на рынке. Я их покупал, летом все прочитывал от корки до корки.

Потом в течение года они мне уже не были нужны. При этом зубрилкой я никогда не был. В физике, если хочешь преуспевать, надо научиться понимать, вызубрить физику невозможно.

- Какими талантами должен обладать человек, чтобы стать хорошим физиком?

- Иметь образное - в первую очередь и рациональное - во вторую очередь, мышление.

- Скажите, а Вы вот так запросто сможете решить задачу из школьного учебника?

- Конечно. Другой вопрос, каково содержание сегодняшней школьной программы? Оно, с моей точки зрения, не выдерживает никакой критики. Наука развивается стремительно, а вот программа обучения заметно отстаёт. В школе дают карикатуру на современную науку.

- Давайте подведём черту под студенческими годами. Они, говорят, самые лучшие годы в жизни любого человека. А какими они были для Вас?

- Я отвечу так: когда ты достигаешь того, к чему стремишься, то эти годы для тебя становятся самыми лучшими. Если смотреть под этим углом, то самые лучшие у меня были как раз студенческие годы. Потом был трудный период, ровно до тех пор, пока я не нашёл себя в науке. И получил признание.

- Как подучился Ваша кандидатская диссертация?

- Самым нетривиальным образом. В аспирантуру меня не приняли. Я искал по литературе возможные темы для научного исследования. Наткнулся на несколько работ направления академика Николая Николаевича Боголюбова. Причём на те работы, которые меня явно не удовлетворили. Я решил, что смогу сделать лучше. И когда у меня получилось, то я нахально всучил небольшую, на четыре странички, работу самому академику. В Москве проходил Всесоюзный съезд математиков. Я туда приехал, взяв с собой краткое изложение того, что я получил. Съезд проходил в главном здании МГУ на Воробьёвых горах. Никогда не забуду эту картину. На улице шёл дождь, а под навесом стоит и пережидает непогоду Николай Николаевич. Я набрался хамства, подошёл к академику и обратился с такими словами: «Николай Николаевич, я тут сделал небольшую работу. Можно я вам её покажу?».

Он посмотрел на меня пристально, а дождь всё идёт, и я услышал: «Ну, давайте». Отдаю и не отпускаю академика, снова проговариваю вопрос: «А как я смогу узнать о результате?».

Николай Николаевич отвечает: «Вот позвоните по этому телефону». На следующий день я ему звоню. Тон совершенно другой. Называюсь, говорю суть обращения и слышу: «Да, да, да, но у меня уже вашей работы нет. Я её отправил в Доклады академии наук». Представляете, что для меня означала эта фраза! Я ему сказал, то у меня

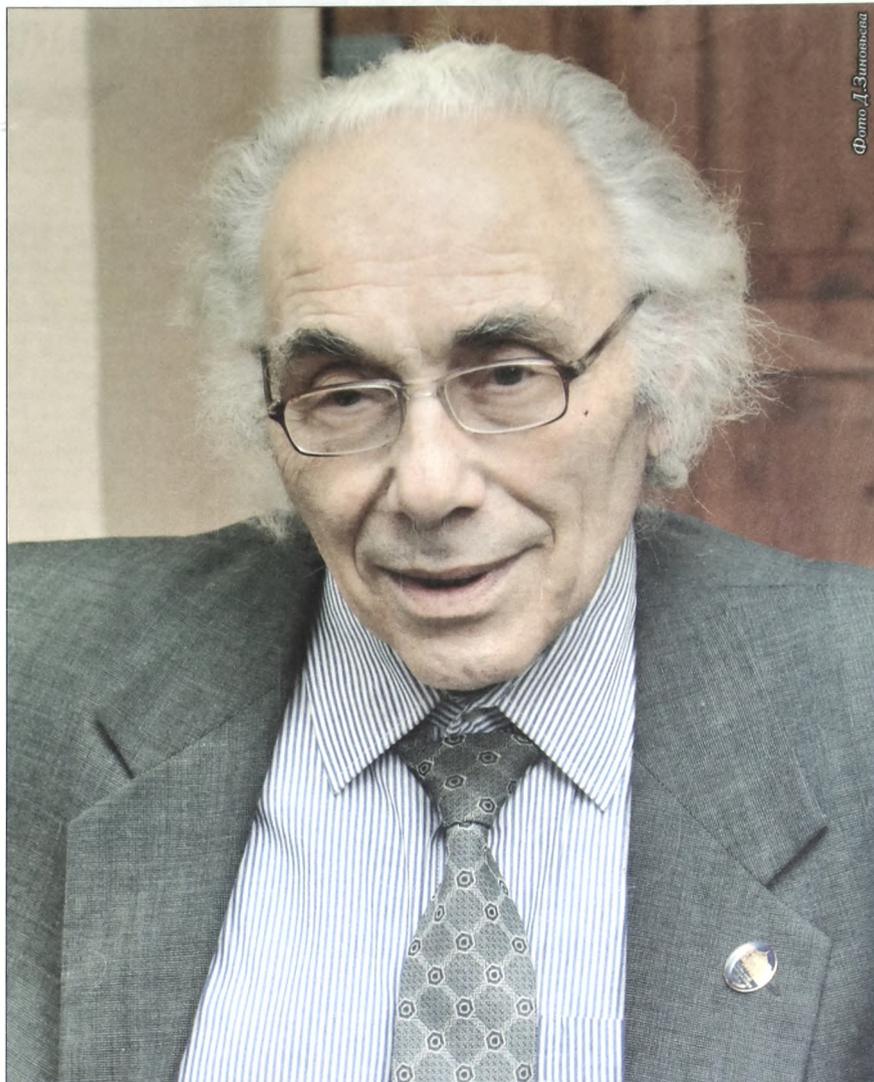


Фото Д. Зиновитского

есть уже продолжение. Следующей фразой он назвал мне имя оппонента моей будущей кандидатской диссертации. В 28 лет я защитил кандидатскую диссертацию. Кстат, ребята, которых приняли в аспирантуру, защитились после меня. Интересно проходило само заседание по защите диссертации. По процедуре следом за мной должен был выступать научный руководитель. Но у меня его не было. И это не сыграло никакой роли, не явилось препятствием при защите работы. А что Боголюбов? С ним у меня был ещё один анекдот. Я написал продолжение к этой работе, которую, помните, под козырьком здания МГУ ему отдал, и послал его по почте. Но зимой я сам поехал на семинар и встретился с Николаем Николаевичем. Сказал ему о том, что отправил работу по почте. Услышал от него, что он давно почту не разбирал. И он попросил у меня ещё один экземпляр. Не читая, надписал его следующим образом: «Представляю для публикации в Докладах академии наук». С этой резолюцией я отнёс её в редакцию и там опубликовали. Через некоторое время приходит ко мне из редакции письмо о том, что моя статья рекомендована Боголюбовым для публикации. Пришлось опережать события, составлять срочное письмо в редакцию о том, что данная статья уже опубликована.

- Скажите пожалуйста, Ваше предназначение было в физике?

- Если говорить серьёзно, то я себя не реализовал. Я всю жизнь был охотником-одиночкой. А если бы мне удалось включиться в какой-нибудь активно работающий коллектив, то результаты были бы другими. Я сделал бы больше.

- Скажите, уважаемый профессор, а если бы нам Господь даровал возможность жить на-

черно, а потом на белом, то какие бы периоды жизни Вы бы оставили в чернилке?

- Я бы оставил всё как есть, кроме одного. Все силы бы приложил к тому, чтобы влиться в серьёзный исследовательский коллектив. Понимаю, то, что делаю я, это такая ниша сложная и отчасти невостребованная той же оборонной промышленностью, и находится несколько в стороне от интересов больших научных коллективов. В своём направлении я сделал максимум из того, что мог сделать.

- Скажите, а почему Вы занялись педагогической деятельностью?

- Из-за пятого пункта. В другие сферы в те годы у меня не было возможности проникнуть.

- В вашей жизни было несколько городов: Москва, точнее Подмосковье, Кемерово, Томск, Барбинск, Тюмень. Почему Вы осели в Тюмени?

- Грубо говоря, виноват мой дурной характер.

- Объясните.

- Я очень не люблю, когда на меня начинают нажимать начальство. Я работал завкафедрой физики в Томском институте радиоэлектроники и электронной техники, и у меня были проблемы в отношениях с проректором по учебной работе. Цифры успеваемости по нашей кафедре были плохие, и это вызывало недовольство со стороны проректора. У нас состоялся разговор. Проректор мне сказал о том, что я добиваюсь качества знаний, а руководство вуза требует качества оценок. И пригрозил, что на ближайшем партийном собрании он будет меня ругать за то, что я снижаю качество оценок. Разошёлся во мнениях мы очень сильно. А в это время как раз в Тюмени организовывался

университет. И первым его ректором стал томич И.А.Александров. Так я получил предложение со своей командой переехать в Тюмень.

- А в Тюмени работали?

- Всякое было.

- Вы необычный экзаменатор. Случалось, и об этом студенты рассказывают, Вы ставили оценки, по их мнению, ни за что.

- Вспоминаю один эпизод. Это было на вступительных экзаменах в Томске. Смотрю, за последней партой сидит девушка. Смотрит в потолок. Спрашиваю: что, готова отвечать? Говорит - да. Задаю пару вопросов. Понимаю, знает безукоризненно. Так за пару секунд экзаменую её по всем трём вопросам. И забираю зачётку, в которой ставлю «отлично». Потом мы встретились уже в студенческие годы на экзаменах. Картина повторялась. За пару минут - и отдало. Я не давал ей возможности долго говорить. Она знала предмет. Для того чтобы поставить пятёрку, больше минуты не нужно. И вот таких встреч у нас было две или три. Я ей ставил пятёрки, она уходила в недоумении. И однажды, на выпускном, она мне задала вопрос: «За что вы меня невзлюбили?» На что я ей ответил: «Так вы моя лучшая студентка!». И услышал от неё, что «вы ни разу не дали мне ответить на экзамене». Года четыре тому назад на Алтае мы с ней встретились. Ко мне подошёл один профессор и говорит: «Разрешите познакомиться вас со своей женой». Смотрю, подходит моя студентка. Такая встреча! Она уехала в Новосибирский Академгородок, вышла замуж, успешно работала, муж стал профессором. Словом, жизнь сложилась.

(Окончание на стр. 8)



Профессор

Представляете, что для меня означала эта фраза!

(Окончание. Начало на стр. 6)

- Скажите уважаемый профессор, из-за Вашей всесаженной строгости много студентов было отчислено?
- Думаю, что нет.
- Вам никогда не хотелось бросить занятия физикой?
- Никогда, а вот педагогическую деятельность оставить хотел.
- От чего Вы испытываете особый драйв?
- Когда решаю какую-то сложную задачу и получается результат.
- Ваши дети талантливы, это правда?
- Я считаю, что да.
- Как Вы думаете, почему?
- Наверное, потому, что я к ним применял ту же тактику воспитания, что и отец ко мне.
- В моей голове с трудом укладываются, что девушки могут иметь большие успехи в физике.
- У моих дочерей это получилось.
- А у сына? Он, кстати, сравнялся с отцом?
- Сын - профессор физики. Конечно, сравнялся.
- Скажите, как Вы воспитаны? На какой манер. Я намекаю на ту самую пятую графу.
- На русской литературе. И я россиянин до мозга костей.
- И патриот России?
- Именно патриот, а не ура-патриот. Для меня другая родина нет.
- Если бы я Вас спросила: Россия или какая другая страна?
- Россия.
- Какая роль Вам больше в жизни удалась: сына, мужа, отца, друга, профессора?..

- Считаю, что был достаточно хорошим сыном, во всяком случае, родителей я не огорчал. Ну, разве что папу огорчил, когда не выбрал инженерную специальность. Отцом тоже стал неплохим. Об остальном судить не берусь.
 - А что касается друзей?
 - Я дружил с несколькими ребятами, когда учился в университете. Жизнь нас развела по разным берегам. Когда работал в Томске, был очень дружен с преподавателями нашей кафедры.
 - Вы по-прежнему готовитесь к лекциям?
 - Про меня говорят, что если надо срочно прочитать лекцию, то без подготовки это делает Аришштейн. Это правда. Как правда и в том, что я каждый день читаю литературу по предмету. Это и есть подготовка к занятиям.
 - По отношению к своим коллегам Вы оппонент, критик или...
 - Когда у коллег что-то получается, я, конечно, рад.
 - Вы - человек скромный?
 - Кто вам такое сказал?
 - Хорошо, вы любите, когда вас хвалят?
 - А кто этого не любит?
 - Расскажите свои жизненные приоритеты.
 - Первое, сделать что-то важное в той области, которой я занимаюсь. Второе, узнавать что-то новое об успехах детей. Сейчас младшая дочь вышла замуж, счастливая мама. Я очень рад за неё.
 - Вы романтик или прагматик?
 - Трудно сказать. Наверное, пополам.
- P.S. А еще профессор умеет рассказывать анекдоты и знает их несметное количество. Пока мы его фотографировали, он нас развлекал.

«Только физика - соль»

Э.А.Аришштейн - легенда физического факультета. В 1975 году, когда образовался физфак, он был единственным доктором наук, профессором.

Он являет собой образец классического профессора - остроумный, с быстрой реакцией, широко эрудированный, спортивный, музыкальный, с активной жизненной позицией и при этом скромный человек. Его оригинальные и запоминающиеся лекции помнят все поколения выпускников.

Э.А. Аришштейн всегда в курсе новостей науки, и этими новостями он щедро делится со студентами и преподавателями в разной форме: и в виде устных выступлений, и в виде публикации в стенгазете факультета. «Только физика - соль» любит он повторять, выступая перед абитуриентами и студентами на днях открытых дверей и Днях физики. Образно говоря, он является самым главным атлантом, на плечах которого держится то, что называется физфаком ТюмГУ.

Александр ВАКУЛИН, декан физфака, доктор технических наук, профессор

Он нам все объяснял

Первое знакомство с Эдуардом Абрамовичем Аришштейном у меня состоялось в 1988 г. Нас, учеников физико-математического класса, организованного коллективами физического факультета ТюмГУ и НИИ проблем освоения Севера, всегда были рады видеть в своих лабораториях, на своих семинарах и лекциях сотрудники этих организаций. Как-то мы «просочились» на вузовский тур студенческой олимпиады, который проводил Эдуард Абрамович с коллегами на кафедре теоретической физики. Выданные задачи, помню, нас (тогда ещё школьников) очень поразили своей практической направленностью и явно фундаментальным подходом для их решения. Разумеется, у нас тогда не хватало подготовки их решить точно, но после олимпиады нам и количественно, и качественно (что было для нас тогда наиболее важно) решение задач лично разобрал Эдуард Абрамович.

Уже учась на физическом факультете, мы узнали, что Эдуард Абрамович воспитан в университете целую плеяду выдающихся учёных и преподавателей. За более чем полувековой период многие научные работы Эдуарда Абрамовича и учеников его научной школы при-

знаны классическими в мировой науке.

Эдуард Абрамович всегда внимательно, без формализма относился к нашему образованию, лично способствовал и помогал овладению практическими навыками применения методов теоретической физики, делая упор на понимание математических построений для решения фундаментальных проблем физики и естественных наук в целом. Любого желающего разобраться в серьёзных физических проблемах Эдуард Абрамович всегда обеспечивал высококвалифицированной методической помощью.

Эдуард Абрамович является одним из последователей широко известной школы академика Н.Н.Боголюбова в области фундаментальных теоретических и математических проблем современной физики (в частности, статистической физики, квантовой теории поля) и путей наиболее перспективного их решения. Поэтому я не сомневался в выборе и продолжил учёбу в аспирантуре под его руководством.

Евгений БРИКОВ, выпускник физического факультета 1995 г.

Маэстро физики Эдуард Абрамович

АЛЕКСАНДР КУДРЯВЦЕВ

Ностальгические воспоминания студенческой поры переносят меня в недалекое, но уже невозвратимые 80-е годы XX века. Современный физфак более 15 лет «живет» в здании на ул.Перекопской, но сознание, вращая время назад, упорно восстанавливает физическое пространство факультета в старинном кирпичном корпусе с чугунной лестницей. Там, где мы грызли гранит физических наук и устраивали грандиозные Дни физики, будучи полновластными хозяевами здания. Мое знакомство с физфаком началось еще в школьные годы. В один из ноябрьских дней 1975 г. я робко открыл дверь 117 аудитории, придя туда по рекомендации школьной учительницы физики М.П.Деметьевой и отца, выпускника физмата ТГПИ.

Огромная черная доска во всю стену, испи-санная красивыми, но непонятными пока формулами. Над ней - галерея портретов выдающихся физиков, где-то в углу осыпавшийся самовар и недоигранная партия шахмат. Немногочисленная кучка сверстников и вот он - улыбающийся, как на фотографии, Эдуард Абрамович...

А потом, на первом курсе, была его запоминающаяся лекция - введение в специальность. И хотя мы еще не знали многих преподавателей физического факультета, но Э.А.Аришштейна обожали практически все студенты-первокурсники. Он не чуждался поездок на уборку картошки или морковки, активно участвовал в университетских спортивных кроссах, всегда побеждал в шахматных турнирах, блистал остроумием на пресс-конференции преподавателей на Днях физики. Нашему курсу повезло слушать его лекции по двум фундаментальным разделам - статистической физике и электродинамике. И хотя сложные, занимающие иногда всю доску формулы не всем студентам были по вкусу, наяривание снимками «прибаутки от Аришштейна» про метод «запросто» или правило раскрытия скобок произведения «бад минус цап». Когда в 1980 году с экранов телевизоров в новогодний вечер прозвучала песня «Маэстро» в исполнении молодой А.Пугачевой, обращенная к известному уже композитору Р.Паулсу, она быстро была переделана нашими однокурсниками «на физический лад». Ведь самый сложный предмет на экзаменах в сессию - у маэстро Аришштейна, а у нас

Да-да одна, на всех одна.
Одна к статфизике любовь...

В тот год нашему маэстро исполнилось всего пятьдесят...

Уважение к Эдуарду Абрамовичу укрепилось от рассказов его коллег по кафедре, преподававших нам другие курсы теоретической физики. Мы узнали о научных диссусах по вопросам теории относительности Э.Аришштейна еще совсем в молодом возрасте, защите диссертации в столичном университете без научного руководителя. И даже сходство внешнего вида и зеркальное созвучие инициалов с легендарным физиком А.Эйнштейном было любопытно. Про это очень часто спрашивали у Эдуарда Абрамовича на юмористических конференциях. На одной из них, 17 апреля 1981 г., он ответил: «Ничего удивительного, все люди - братья!». Книжку «Чертова дюжина», подготовленную

по магнитным записям этих конференций, помог мне замечательно проиллюстрировать шаржами Виктор Немчинов, специализировавшийся на кафедре теоретической физики, выпускник 1984 г. Ныне он директор Тюменской школы № 25 и уделяет много внимания техническому и естественно-научному образованию учащихся. Приведу краткие отрывки из воспоминаний об Э.А.Аришштейне других выпускников физического факультета, ставших впоследствии его преподавателями.

Н.И.Шабаева (1979 г.вып.): - В прежние времена в некоторых аудиториях физического факультета стояли фортепьяно. Лекции по теоретической физике на нашем потоке начинались с того, что Эдуард Абрамович увлеченно исполнял отрывки из своих любимых музыкальных произведений Ф.Шопена, И.С.Баха, Л.Бетховена или И.Брамса. Затем, не менее увлеченно, он рассказывал нам, например, о методе производящего функционала или цепочке иерархических уравнений Боголюбова-Борна-Грица-Киркуда-Ивэна. А однажды он пришел на лекцию со своей маленькой Кариной, держа ее руку в одной руке, а в другой - кусок мела. Не случайно, видимо, она тоже стала впоследствии физиком-теоретиком...

В.Е.Вершинин (1986 г.вып.): - Я также помню эти увлекательные музыкальные пятиминутки в 208 аудитории. Несмотря на то, что в настоящее время преподаю студентам дисциплины физико-математического цикла, в студенческие времена на лекциях у Эдуарда Абрамовича до конца осознать смысл длинных преобразований было совсем не просто. А он спрашивает: - Понятно? И когда один из моих сокурсников, не подозревая подвоха, выпалил «конечно, понятно», последовал встречный вопрос лектора - А что понятно? По аудитории тут же пробежал ехидный смехок. Учебный материал Эдуард Абрамович украшал физическими анекдотами. Рассказывая о квантовых свойствах микромира, он часто вспоминал уворотливого студента, который говорил экзаменатору, что знал, но забыл что такое электрон. - Ай-й-й, что же вы наде-дали! - возмутился профессор, - ведь вы единственный, кто знал, что такое электрон!

О.М.Дружинина (1986 г.вып.): - Эдуард Абрамович для меня - Физик с большой буквы. Ученый, учитель, универсальная личность. Любознательность и пылкость ума не позволяют ему останавливаться на достигнутом. Он по-прежнему поглощает знания, причем с огромным аппетитом. И заражает этим всех окружающих. Семинары по дисциплине «Физика фундаментальных взаимодействий», которые он проводит со студентами 4-го курса - образец научной дискуссии. А лекции по истории физики - театр одного актера, забываемые и информационно емкие. Эпиграф к любому выступлению Эдуарда Абрамовича - «Только физика - соль». И это здорово!

Прошло почти 35 лет с момента нашего знакомства, а Эдуард Абрамович остается прежним. Улыбчивым и приветливым, влюбленным в физику и лучше всех в университете знающим о ее новейших открытиях, не по возрасту бодрым и жизнерадостным, увлеченным музыкой и участвующим в факультетских праздниках, помнящим многочисленных выпускников разных лет.

